

Трансдисциплинарность как вызов академичности науки и образования

Выявлено значение феномена трансдисциплинарности для развития современной науки и образования. Это значение подчинено доминированию академических оснований науки и образования. Обоснована самодостаточность академичности на примере социальной философии. Академическая самодостаточность социальной философии заключается не в уходе от социальной ангажированности – как ценностной, так и функциональной, – а в выявлении взаимосвязи первой со второй.

Ключевые слова: академичность, трансдисциплинарность, философия, социальная философия, наука, образование, ценности

M. I. Boichenko

Transdisciplinarity as a challenge for academic character of science and education

It is found the value of transdisciplinarity phenomenon for modern science and education development. This value is subordinate to the domination of the academic foundations of science and education. Academic self-sufficiency is justified by the example of social philosophy. Academic self-sufficiency of the social philosophy is not in the escape from social engagement – both the value and functional – but conversely in the reveal of the relationship of the first with the second.

Keywords: academic character, transdisciplinarity, philosophy, social philosophy, science, education, values

Все чаще в последнее десятилетие обращаются к теме трансдисциплинарности не только как к веянию времени, определенному стилю постановки и решения задач в науке или даже определенной моде в философии науки, но и как к едва ли не панацее в преодолении проблем современной эпистемологии. Насколько оправданно такое отношение к трансдисциплинарности, можно судить, лишь разобравшись в том, что она собой представляет. Ведь многие, если не большинство из тех, кто использует этот термин, не очень четко представляют, что он обозначает, и уж совсем малое число адептов трансдисциплинарности видит и просчитывает последствия обращения к этому познавательному инструменту. В числе прочих последствий, нас особенно беспокоит тот вызов канонам академической науки и академического образования, который несет в себе трансдисциплинарность. Мы далеки от мысли, что трансдисциплинарность смертельно опасна для этих канонов, как еще более далеки от опасения показаться врагами «прогресса» и новой волны модернизации (как бы ее не именовали), однако некорректное и бездумное апеллирование к использованию трансдисциплинарности, этого тонкого и деликатного инструмента, способно

внести путаницу в теорию и вызвать дисфункциональные эффекты на практике. Попытаемся прояснить в этой статье как положительные, так и негативные последствия обращения к трансдисциплинарности в академической науке и академическом образовании – как повод еще раз осмыслить академические основания современной науки.

Первоначальное определение трансдисциплинарности опиралось на выступление Жана Пиаже [13] и дополнения Андре Лихнеровича на конференции ОЭСР: она была задумана как «общая система аксиом», которая выходит за дисциплинарные границы благодаря «всеобъемлющему синтезу» как своего рода универсальная и межъязыковая с видением внутренней динамики науки [14, р. 24]. С тех пор дебаты переключились на новое видение и в настоящее время доминирует понимание трансдисциплинарности как гетерогенной, а не гомогенной практики, которая принимает и уважает плюрализм и разнообразие. Это включает в себя аналогичный критический взгляд на так называемые «холистские» подходы, которые пренебрегают неоднородностью [10; 15].

Из всех популярных определений трансдисциплинарности нас особенно интересуют

два: касающееся собственно философии науки и этическое. Из определения философии науки исходит большинство авторов. Например: «В первом значении трансдисциплинарность понимается как «декларация», провозглашающая равные права известных и малоизвестных ученых, больших и малых научных дисциплин, культур и религий, в исследовании окружающего мира. В таком значении, трансдисциплинарность играет роль «охранной грамоты» для любой частной точки зрения, не противоречащей знаниям научных дисциплин» [8].

Убиратан Д'Амбросио центральной проблемой трансдисциплинарности вообще и относительно практики и целей развития современных университетов в частности считает этику сохранения, которая, по его мнению, включает в себя три основных положения: «1) уважение к другим, несмотря на все различия; 2) солидарность с другими людьми в удовлетворении своих основных потребностей для выживания и для трансцендентности; 3) сотрудничество с другими в сохранении общего культурного и природного наследия» [11]. Тем самым Д'Амбросио, на первый взгляд, расширяет рамки сугубо эпистемологического подхода к трансдисциплинарности до онтологии, то есть предоставляет ее онтологическое и мировоззренческое оправдание.

Такое оправдание справедливо лишь отчасти. Ведь сама по себе трансдисциплинарность как бесповоротный выход за узкие рамки научных и, очевидно, образовательных дисциплин. А это еще отнюдь не свидетельствует о наличии определенной этической позиции — таковой может просто не быть, или она может быть прямо противоположной той, которую ожидает как самоочевидную Д'Амбросио. В плане поучительного примера из новейшей истории предлагаем обратить внимание на критику Мартином Хайдеггером попыток подменить философское и научное познание моралистической позицией. Эту критику Хайдеггер излагает, в частности, в своем фундаментальном произведении, посвященном проблеме ценностей — двухтомной работе «Ницше» [9]. Детальный разбор позиции Хайдеггера был нами осуществлен ранее [1]. Его суть сводится к тому, что ценности имеют собственное бытие и не могут подменять собой бытие другого типа. В нашем случае это значит, что этическая позиция в вопросе о трансдисциплинарности уместна, однако не как всеобъемлющая, а лишь в определенных рамках адекватная: действительно, определенные типы этики, например, универсалистская вполне релевантна пониманию трансдисциплинарности как всеобъемлющему синтезу (версия Пиаже), но современное понимание трансдисциплинарности, на наш взгляд, ближе к этике коммунитаризма. Можно спорить о возможностях расширенного понимания универсализма как платформы обоснования партикуляризма, или о универсалистской пре-

тензии и ориентации любой развитой локальной этики, однако фактом остается то, что именно определенный тип этики избирает комфортную для себя версию трансдисциплинарности, а не наоборот. Такая избирательность не имеет, однако, ничего общего с обоснованием — на наш взгляд, здесь происходит лишь встреча двух самодостаточных рядов детерминации — этического и эпистемологического, и ничего более. И здесь возможны различные конstellации, которые не следует смешивать с фундаментальным, а тем более «окончательным» обоснованием — эти конstellации имеют прежде всего практический характер.

Показательной в таком практическом измерении применения научных изысканий является, прежде всего, образовательная практика. Так, при всех кажущихся преимуществах замены отдельных учебных дисциплин некими интегральными курсами имеет место необратимая потеря качества образования — идет ли речь о замене совокупности естественнонаучных дисциплин неким природоведением или же совокупности социальных дисциплин обществоведением, гуманитарных — человековедением и т.д. Речь идет о потере не просто отдельных элементов знания, а об утрате основополагающих принципов, которые в своем единстве принято называть академичностью. Обратимся к примеру социальной философии как наиболее близкой автору этой статьи дисциплине, которая в силу своего казалось максимально высокого теоретического статуса должна была бы быть заинтересована в преодолении «разрозненности» отдельных социальных наук.

Социальная философия как никакая другая философская дисциплина подвержена рискам потери академичности — достаточно вспомнить историю марксизма как родоначальника социальной философии. И все же ситуация социальной философии является с этой точки зрения решающей — и если какая-либо философская дисциплина и способна принципиально и содержательно противостоять угрозам своей академичности, то это, несомненно, социальная философия.

Академичность имеет, впрочем, свою внутреннюю и внешнюю стороны, так сказать «дух» и «букву», сущность и ее более или менее адекватные воплощения. Нередко под маской академичности осуществлялось символическое (но по сути — именно для философии наиболее опасное) духовное убийство и самоубийство философии, тогда как в противоположность этому, именно неакадемические по форме произведения нередко реабилитировали философию или даже открывали новые страницы или даже эпохи в философствовании.

Примером первого может служить ситуация с философией в университетах царской России во второй половине XIX века, когда филосо-

фия получила полный запрет на преподавание в высшей школе [4]. С тех пор именно духовные академии стали основной ячейкой академической философии, хотя по форме она была лишь предварительной ступенью в овладении богословия. Только лица духовного звания, что преподавали в университетах могли позволить себе преподавания элементов философии. Эту фактическую функцию академичности, которую взяло на себя духовенство, в Украине царский режим пытался существенно ограничить в последние десятилетия царизма, когда под лозунгами избавления от влияния церкви (то есть по видимому — из соображений усиления академичности и европейскости) удаляли духовенство из состава профессуры этих университетов, тем самым убирая, как правило, лучших преподавателей философии (хотя замысел был убрать национально ориентированных преподавателей после введения в действие сначала Валуевского циркуляра [2], а затем Эмского акта [5]).

Другим примером выживания философии под неакадемическим прикрытием является философия Фридриха Ницше, который практически никогда не был академическим преподавателем: его карьера составила два неполных года (с 1868 по 1870), а академические должности и степени он получал при этом довольно неакадемично: «Зимой 1868/69 гг. Базельский университет предложил мне профессию, когда я не был еще и доктором. Вслед за этим, 23 марта 1868 Лейпцигский университет присудил мне степень доктора весьма почетным образом: без всякой защиты, даже без диссертации» [12]. В то же время, именно философия Ницше имела не только общественное влияние не меньшее, чем влияние учения Карла Маркса, но и вызвала множество академических исследований и не меньшее количество работ академических философов, которые позиционировали себя как последователи Ницше. Итак, по сравнению с большинством своих конъюнктурно успешных академических современников-философов, Ницше имел неизмеримо большее влияние на развитие последующей академической философии и вообще общественных и некоторых гуманитарных наук.

Впрочем, эти исключения скорее подтверждают, чем отрицают общее правило — академическая философия заслуженно остается главным направлением развития («мейнстримом») современной философии, а все отклонения от нее в конце концов получают окончательную оценку своей значимости именно с позиций академической философии, а не наоборот.

Понятие академической философии связано с особым статусом философского знания и особым подходом к его преподаванию. Нескольким иное значение она приобретает как ценность, поскольку более значимыми становятся социальные аспекты функционирования философии

— как в научном сообществе, так и в обществе в целом. Часто именно осмысление академичности притязаний философии проясняет академические рамки научной и преподавательской деятельности и академическую свободу ученого и преподавателя университета не только как особого типа социальных отношений (имеющие значимость и за пределами сферы науки и образования), но и как определенной культурной ценности. Определенная преемственность в рассмотрении этих вопросов в традиции европейской философии (а возможно, в некотором смысле — и всей мировой философии) дает основания не только обнаруживать черты классичности в восприятии и развитии философии как академического дела, но и видеть классичность влияния академической философии на общественную жизнь.

Академичность философии возникает не в результате успешного противостояния внешним, вне-научным воздействиям на нее, но как раз наоборот, является причиной и залогом такой успешности. В разные исторические эпохи различные религиозные, властные, экономические, административные и другие инстанции и авторитеты претендовали и претендуют на определение не только задач философии, но и на влияние на способы и даже результаты решения этих задач философией. В последние века, с ростом общественного влияния науки, можно было бы ожидать увеличения авторитета философии как особой науки, которая была не только колыбелью целых направлений научных исследований, но и сохраняет в большей степени значение общественного адвоката и исповедника науки. Одновременно со стороны отдельных наук и направлений современного научного познания встречаем схожее с уже знакомым по другим историческим примерам притязание на внешнее управление философией и на наставничество, если не опеку над ней. Подобные притязания не только мало чем отличаются от других попыток лишить философию ее академического статуса, но и, определенным образом, создают риски усилить негативные последствия таких попыток. Негативные как для философии, так и для тех наук, которые пытаются принять на себя несвойственные им функции. Одновременно прояснение истинных оснований академичности философии, является, по нашему убеждению, не только необходимой предпосылкой ее подлинного утверждения в этом статусе, но и способствовало бы укреплению общественных позиций как самих частных наук, так и других вне-философских инстанций — экономических, властных, религиозных, административных и других.

Академическая самодостаточность социальной философии заключается не в уходе от социальной ангажированности — как ценностной, так и функциональной, — а в выявлении взаимос-

вязи первой со второй. Именно такая позиция позволяет придать социальной ангажированности ее истинный смысл — направлять социальное познание на адекватные в своей целостности предметы исследования, а не придавать им шаржированно односторонний характер. В этом смысле социальная философия призвана направлять гуманитарные науки, выявляя их объективные функциональные социальные связи — институциональные, организационные, системные и другие, с одной стороны, а с другой — придавать осмысленность социальным исследованиям, указывая на зависимость функциональности их предмета не столько от функциональности естественных наук, сколько от ценностных характеристик устойчивых коммуникативных сообществ как действительных создателей и в самом точном смысле слова социальных носителей определенных ценностных систем.

Наконец нельзя не упомянуть те проявления философствования, а иногда и псевдо-философствования, которые в незначительной или в наименьшей мере могут быть неакадемическим проявлением академических ценностей в философии вообще и социальной философии в частности. Речь идет об определенных социальных движениях — от подавляющего большинства анархических, анти-институционалистских, анти-глобалистических (то есть прежде всего формально неакадемических) до движений экологических, анти-школьных, анти-технократических. В этом перечне доминируют политически левые силы, хотя случайно здесь встречаются и некоторые правые — общим правилом оказывается, что чем более радикальным является движение (неважно, на полюсе какой части политического спектра — левого или правого), тем больше вероятность, что оно будет выступать против академичности. В данном случае академичность формально выглядит как некая «золотая середина» Аристотеля, как определенная умеренность, позиция критического разума в противовес крайностям, которые неизбежно приводят к неоправданной предвзятости и фанатизму.

Стоит рассмотреть несколько примеров. Академическую философию считают слишком оторванной от жизни, слишком формализованной, слишком технологической, с одной стороны, но с другой стороны оказывается, что она слишком открыта для внешних (глобалистических) воздействий, слишком организована, слишком принудительна в своих принципах. Экологические движения в своих требованиях переходят к философии действия, которая граничит с экологическим терроризмом: на этом фоне академическая философия выглядит пассивной, а академическая социальная философия — преступно пассивной в своей оторванности от жизни и ее насущных запросов. Такая оторванность от жизни — является той ценой, которую академическая философия платит за понятий-

ный способ изложения содержания мышления. Это — и формализация, вокруг которой явно или неявно обращается любая философия, способная на академичность: понятия должны стоять за художественными образами, экзистенциалами, другими формами довербального опыта, или иного способа нерелексивного схватывания реальности. В этом единственная возможность институционализации академической философии, а потому все анти-институционалистские движения, в частности либертаризм, являются враждебными академичности, осознают они это или нет. Такого рода понятийная формализация обеспечивает академической философии технологичность способа достижения результата и гарантированность самого результата — достигнутого институционально или формализованно как-либо иначе. Без такой технологичности академическая философия действительно была бы оторванной от жизни, но благодаря этой технологичности академическая философия действует не в режиме «вдогонку событиям» (как по сути действуют, не осознавая этого, все экстремисты и террористы), но «формируя события под себя». Такую стратегию прекрасно, убедительно и системно обосновал Никлас Луман в своих описаниях функционирования социальных систем, на примере искусственно создаваемых системой противоречий, с помощью которых система контролирует окружающий мир [6, с. 482–489]. Луман, однако, приписывал эту стратегию всем коммуникативным социальным системам, мы же считаем, что философия специфически достигает такого опережающего результата с помощью понятийного аппарата.

В то же время, социальная философия, как и философия в целом, благодаря своей понятийной формализации оказывается не столько закрытой, сколько наоборот — универсально открытой благодаря понятиям и рациональной аргументации. Однако, то, что Георг Гегель и Юрген Хабермас считали преимуществом философского академизма, антиглобалисты воспринимают как предательство патриотических и других социальных ценностей, которые не подлежат универсализации. Здесь имеем дело с явным недоразумением — философия никогда не препятствовала подъему национальных и других освободительных чувств, скорее наоборот — показывала их универсальность для любых представителей человечества. Таким образом, академическая философия (особенно философия социальная в ее академической версии) всегда выступает за рациональную эмансипацию, но против слепого оппортунизма в любых его проявлениях.

Такая рациональная эмансипация возможна только на рациональных началах, причем это должна быть действительно социально-философская рационализация, в том числе и прежде всего в версиях формальной рациональности

Макса Вебера [3, с. 157-160] и процедурной рациональности, которую, в частности, воплощает аналитическая традиция в социальной философии [7]. Это означает высокую степень организации, однако вовсе не исключает также и самоорганизацию, в частности по принципу социальных сетей. Поэтому борьбу сторонников сетей с академичностью философии и, особенно, социальной философии вследствие их якобы вертикальной заорганизованности и чрезмерной организационной жесткости считаем ошибочной и направленной против старых, а точнее морально устаревших версий академической социальной философии и академической философии в целом. Сегодня президенты стран, ректоры, деканы, заведующие кафедрами и профессора активно вовлечены в социальные сети, а иногда — даже чрезмерно. И наконец — действительно, принудительность академической философии в ее принципах неоспорима и вечна — надо только помнить, что эти принципы никогда не навязываются извне: каждый, их принимающий, получает шансы на то, чтобы приобрести академичность в своих профессиональной деятельности и творчестве, причем безотносительно к тому — в рамках института или за ними, защищая честь своей страны или обосновывая космополитическую позицию, в виде научных монографий или диссертаций или на телевидении, радио или в сети Интернет, — но всегда критически рационально, процедурно четко и ответственно. Не вызывает сомнений, что обычно всего этого проще и быстрее достичь, будучи профессором, а не уличным проповедником, сохраняя достоинство патриота и порядочного человека, а не бросая вызов общественной морали, наконец, поддерживая классический социальный консерватизм, а не поощряя радикальные социальные настроения. Поэтому социальная философия, как и философия в целом, остаются по

своей сути прежде всего академическими, хотя для воплощения и защиты этого классического академизма современное общество предлагает достаточно большой выбор новейших средств в дополнение к классическим. И хотя опасностей для академизма значительно больше — но значительно большими стали возможности для философии и особенно социальной философии благодаря своему академизму ставить перед обществом все более новые и все более амбициозные цели, благодаря четкому прояснению базовых ценностей — как своих, так и общественных.

Возвращаясь к частному вопросу о трансдисциплинарности, с которого мы начали этот анализ, на основании изложенного выше, можно утверждать, что трансдисциплинарность не является какой-либо альтернативой или, тем более, заменой академичности в науке и образовании. Не является она и чем-либо угрожающим для них. Однако, разумное использование в отдельных случаях принципов трансдисциплинарности позволяет, прежде всего, увидеть современную философскую и научную картину мира в ее целостности. Как на картинах китайских мастеров живописи пустой фон подчеркивает целокупность изображаемого, или же понятийно — как фальсификация по Карлу Попперу позволяет определить границы применения верифицируемых положений. Кроме того, мы предполагаем наличие определенных конъюнктурно эмерджентных научных проблем, которые, вероятнее всего, до момента их четкой понятийной и предметной «прописки», можно изучать с большим прагматическим эффектом вне какой-либо одной, даже философской дисциплины. Однако, эти исключения лишь подтверждают общее правило естественного доминирования академической науки и образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойченко М. І. Системний підхід у соціальному пізнанні: ціннісний і функціональний аспекти. Монографія / М. І. Бойченко. К.: Видавництво «Промінь», 2011. 320 с.
2. Валуєвський циркуляр 1863 // Юридична енциклопедія: В 6 т. / Редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – К.: «Укр. енцикл.», 1998. URL: <http://cydop.com.ua/content/view/239/58/1/6/> (дата обращения: 25.08.2014).
3. Вебер М. Три чисті типи легітимного панування / Макс Вебер; Пер. з нім. Олександр Погорілий // Вебер М. Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політика. К: Основи, 1998. С. 157-172.
4. Ганиянц М. В. Российское любомудрие в первой половине XIX века: философия и история философии в университетах и духовных академиях: автореф. дис. канд. ... ист. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/rossiiskoe-lyubomudrie-v-pervoi-polovine-xix-veka-filosofiya-i-istoriya-filosofii-v-universi#ixzz32jXMXjqk> (дата обращения: 25.08.2014).
5. Емський акт 1876 // Юридична енциклопедія: В 6 т. / Редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. К.: «Укр. енцикл.», 1998. – Режим доступа: <http://cydop.com.ua/content/view/1069/58/1/17/#26047> (дата обращения: 25.08.2014).
6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; [пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина]. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
7. Серль Дж. Рациональность в действии / Джон Серль; Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
8. Трансдисциплинарность. Режим доступа: <http://logemgroup.ru/nozuvldeveopl31/Трансдисциплинарность> (дата обращения: 25.08.2014).
9. Хайдеггер М. Ницше: в 2-х т. / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. П. Шурбелева. М.: Владимир Даль, 2006. Т. 2. 458 с.
10. Blassnigg M. Transdisciplinarity: Challenges, Approaches and Opportunities at the Cusp of History / Martha Blassnigg, Michael Punt. – Plymouth: Plymouth University 2013. – 148 p.
11. D'Ambrosio U. Universities and Transdisciplinarity / Ubiratan D'Ambrosio // Rencontres Transdisciplinaires. – 9-10 (1997) – Available at: <http://nicol.club.fr/ciret/locarno/loca5c10.htm>
12. Nietzsche F. 1014. An Georg Brandes in Kopenhagen Torino (Italia) ferma in posta den 10. April 1888. – Available at: <http://www>

nietzschesource.org/#eKGWB/BVN-1888

13. Piaget J. The Epistemology of Interdisciplinary Relationships / Jean Piaget // Interdisciplinarity. Problems of Teaching and Research in Universities / Apostel et al. (eds.). – Paris: OECD, 1972. – P. 127-139.
14. Thompson Klein J. A Taxonomy of Interdisciplinarity / Julie Thompson Klein // The Oxford Handbook of Interdisciplinarity / Frodeman, Robert, Thompson Klein, Julie and Mitcham, Carl (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 15-30.
15. Transdisciplinarity: ReCreating Integrated Knowledge / Margaret A. Somerville and David J. Rapport (Ed.). – Oxford: EOLSS Publishers, 2000. – XVI, 272 p.

REFERENCES

1. Boichenko M. I. *Sistemnii pidkhid u sotsial'nomu piznanni: tsinnisnii i funkcional'nii aspekti. Monografiia* [Systematic approach to social knowledge: values and functional aspects. Monograph]. Kiev, Vidavnitstvo «Promin», 2011. 320 p.
2. *Valuevs'kii tsirkuliar 1863 // Iuridichna entsiklopediia: V 6 t. / Redkol.: Iu. S. Shemshuchenko (golova redkol.) ta in* [Value circular 1863 // Legal encyclopedia: 6 tons / Editorial Board: Yu. S. Shemshuchenko (Head of the editorial board) and others]. Kiev, 1998. Available at: <http://cyelop.com.ua/content/view/239/58/1/6/> (accessed 25 August 2014).
3. Veber M. *Tri chisti tipi legitimnogo panuvannia / Maks Veber; Per. z nim. Oleksandr Pogorilii // Veber M. Sotsiologiia. Zagal'noistorichni analizi. Politika* [Three pure types of legitimate domination / Max Weber; Translate Alexander Pogorely // Weber M. Sociology. Historical analyses. Policy]. Kiev, Osnovi, 1998. pp.157-172.
4. Ganiants M.V. *Rossiiskoe liubomudrie v pervoi polovine XIX veka: filosofii i istoriia filosofii v universitetakh i dukhovnykh akademiakh: avto-ref. dis. kand. ... ist. nauk* [Russian love of wisdom in the first half of the nineteenth century: philosophy and history of philosophy in universities and theological academies: Abstract. Diss. PhD in Historical Sciences]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/rossiiskoe-lyubomudrie-v-pervoi-polovine-xix-veka-filosofiya-i-istoriya-filosofii-v-universi#ixzz32jXMXjqk> (accessed 25 August 2014).
5. *Ems'kii akt 1876 // Iuridichna entsiklopediia: V 6 t. / Redkol.: Iu. S. Shemshuchenko (golova redkol.) ta in* [Ems act 1876 // Legal encyclopedia: 6 tons / Editorial Board: Yu. S. Shemshuchenko (Head of the editorial board.) and others]. Kiev, «Ukr. entsikl.», 1998. Available at: <http://cyelop.com.ua/content/view/1069/58/1/17/#26047> (accessed 25 August 2014).
6. Luman N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii* [The social system. A sketch of the General theory]. Saint Petersburg, Nauka, 2007. 648 p.
7. Ser' Dzh. *Ratsional'nost' v deistvii* [Rationality in centenarians]. Moscow, Progress-Traditsiia, 2004. 336 p.
8. *Transdistsiplinarnost'* [Transdisciplinarity]. Available at: [http://logemgroup.ru/nozuvldeveopl31/Transdistsiplinarnost'](http://logemgroup.ru/nozuvldeveopl31/Transdistsiplinarnost) (accessed 25 August 2014).
9. Khaidegger M. Nitsche: v 2-kh t. [Nietzsche: 2 V.]. Moscow, Vladimir Dal', 2006. V. 2. 458 p.
10. Blassnigg M. Transdisciplinarity: Challenges, Approaches and Opportunities at the Cusp of History / Martha Blassnigg, Michael Punt. Plymouth: Plymouth University 2013. 148 p.
11. D'Ambrosio U. Universities and Transdisciplinarity / Ubiratan D'Ambrosio // Rencontres Transdisciplinaires. 9-10 (1997). Available at: <http://nicol.club.fr/ciret/locarno/loca5c10.htm> (accessed 25 August 2014).
12. Nietzsche F. 1014. An Georg Brandes in Kopenhagen Torino (Italia) ferma in posta den 10. April 1888. Available at: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/BVN-1888> (accessed 25 August 2014).
13. Piaget J. The Epistemology of Interdisciplinary Relationships / Jean Piaget // Interdisciplinarity. Problems of Teaching and Research in Universities / Apostel et al. (eds.). Paris: OECD, 1972. P. 127-139.
14. Thompson Klein J. A Taxonomy of Interdisciplinarity / Julie Thompson Klein // The Oxford Handbook of Interdisciplinarity / Frodeman, Robert, Thompson Klein, Julie and Mitcham, Carl (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 15-30.
15. Transdisciplinarity: ReCreating Integrated Knowledge / Margaret A. Somerville and David J. Rapport (Ed.). Oxford: EOLSS Publishers, 2000. XVI, 272 p.

Информация об авторе

Бойченко Михаил Иванович
(Украина, Киев)

Доцент, доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко
Главный научный сотрудник Института
высшего образования Национальной академии
педагогических наук Украины
E-mail: professordfn@gmail.com

Information about the author

Boichenko Mikhail Ivanovich
(Ukraine, Kiev)

Associate Professor, Doctor
of Philosophical Sciences, Professor
of the Department of Philosophy
Taras Shevchenko National University of Kyiv
Chief Researcher at the Institute
of Higher Education of the National Academy
of Pedagogical Sciences of Ukraine
E-mail: professordfn@gmail.com